

РОССИЙСКАЯ МЕНТАЛЬНОСТЬ И ЛИБЕРАЛИЗМ

Ментальность есть естественное духовное проявление самобытности мироощущения, миропонимания и мироотношения к природе и обществу как отдельного индивида, так и определенных сообществ. Ментальность не рефлексруется сознанием, а эмоционально отражается в поступках людей. К.Г. Юнг это называл: «архетипы бессознательного». Трудно не согласиться с М. Рожанским, который пишет, что: «Mentality означает нечто общее, лежащее в основе сознательного и бессознательного, логического и эмоционального, то есть глубинный и потому трудно фиксируемый источник мышления, идеологии и веры, чувства и эмоций. Mentality связано с самими основаниями социальной жизни и в то же время своеобразно исторически и социально, имеет свою историю»¹.

Психологической составляющей менталитета является национальный характер. К. Касьянова утверждает: «Национальный характер наиболее просто определяется по двум своим основным компонентам: это – генотип плюс культура. При этом культура не представляет собой пассивного слепок с генотипа, она во многих моментах активно ему противостоит, поскольку главная задача культуры адаптировать генотип человека к его окружению и условиям существования. В таком постоянном взаимодействии-противостоянии генотип и культура выработали на протяжении многих веков и даже тысячелетий устойчивые модели поведенческих комплексов и систем установок, применяемых для множества сходных ситуаций, которые можно назвать здесь социальными архетипами»². Они и представляют собой внешние, фиксируемые проявления ментальности.

* Романова Кира Степановна – старший научный сотрудник отдела социологии ИФиП УрО РАН, кандидат философских наук, доцент.

¹ Рожанский М. Ментальность // 50/50: Опыт словаря нового мышления. М., 1989. С. 459.

² О некоторых чертах русского характера, имеющих значение для формирования рыночных отношений, см. в книге: Касьянова К. О русском национальном характере. М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2003. С. 453.

Исследования с помощью психологических тестов, как отмечает К. Касьянова, показывают в нашем этническом гено типе выраженную эпилептоидную компоненту¹. Она характеризуется некоторой замедленностью мышления, довольно высокой (до определенного предела) терпеливостью к внешним стимулам и раздражениям. Это способствует, с одной стороны, развитию склонности к индивидуализму, а с другой – последовательности и упорству в достижении цели. Но когда ситуация провоцирует, происходит нарастание внутренней тревожности, мы становимся взрывоопасными. Это сочетание терпеливости и взрывоопасности делает нас довольно непредсказуемыми и не всегда понятными в поведении.

Однако культура сглаживает «шероховатости» нашего гено типа. Например, она понижает взрывоопасность, растягивая период спокойствия за счет высокой ценности, придаваемой терпению. В нашей культуре спектр частных целей, которые культурно разрешается преследовать индивиду в индивидуальном порядке, весьма ограничен по сравнению с другими культурами. В частности, культурно порицается слишком активное стремление к прибыли. (Православная религия, со своей стороны, также делает вклад в этом направлении). Особое место занимает труд в нашей культуре. Наша культура в значительно большей степени и гораздо отчетливее подчеркивает связь труда с ценностью внутреннего самосовершенствования человека. Ценность труда в этом смысле равна ценности страдания, переносимого с терпением, с сохранением возвышенного состояния души, формирует в человеке необычайно сильную личность, вызывающую огромное уважение окружающих. Следует также отметить, что культурный человек нашего этноса всегда с большим уважением относится к ценностно-рациональному типу целеполагания, чем целерациональному (по типологии Макса Вебера), что при наложении на наш социально-интровертивный тип общения развивает большую чувствительность к моральным сторонам общения и человеческих отношений, порождая при этом правдоискательство и стремление к устроению идеальных отношений.

¹ Касьянова К. О русском национальном характере ... С. 453-477.

Нельзя не согласиться с К. Касьяновой, которая утверждает, что вышеперечисленные черты нашего этнического характера весьма затрудняют для человека нашей культуры участие в рыночных отношениях того типа, который считается как бы классическим, в особенности в условиях нашего современного рынка, весьма неупорядоченного, не обставленного соответствующими институтами и правилами. Она пишет, что «культурный элемент населения в массе своей уклоняется от участия в рыночных отношениях и пока что ищет для себя подходящие «ниши» по возможности в стороне от рынка, на рынок же устремляется элемент акультурный (которого всегда много в любом этническом контингенте населения), а также элемент инокультурный (причем чаще всего – инонациональный элемент, который в своей этнической общине также является акультурным), что в свою очередь, создает на данном этапе нашему рынку очень плохую репутацию в глазах культурных людей»¹.

Для утверждения новых форм жизни необходима постановка таких целей, которые бы с одной стороны отражали ценности этнических общностей (национальная идея), а с другой – учитывали современные условия развития страны и мира в целом. В настоящее время поиску новых форм мешает убежденность наших экономистов и политиков в универсальности тех рыночных форм, которые выработаны западными странами и упование на то, что стихийный процесс развития сам по себе все сделает и все обеспечит.

Удовлетворение естественных потребностей человека чрезвычайно просто с точки зрения физиологии, и если при этом возникают трудности, то исключительно социологического и экономического порядка. Удовлетворение специфических социальных человеческих потребностей значительно сложнее. Оно зависит от многих факторов, из которых одним из важнейших является способ организации жизнедеятельности общества и то, как эта организация определяет ценность, место и роль отдельного человека внутри себя.

Историческое изменение форм материального производства является в то же время историей развития человеческой свободы и культуры. Каждый шаг вперед на пути культуры был ша-

¹ Там же. С. 456.

гом к свободе, и поэтому содержание понятия свободы исторически изменялось.

Задавая вопрос о том, может ли человек быть свободным, если его деятельность обусловлена внешними обстоятельствами, объективной необходимостью, мы можем получить правильный ответ, если выделим два уровня необходимости – природную и общественную, так как человек биосоциален.

С одной стороны, свобода связана с самой сутью природы человека как существа творчески деятельного, разумного. Свободная сознательная деятельность, по определению Маркса, составляет родовой признак человека, выделяющий его из среды животных, то есть природы. С другой стороны, «человеческая сущность налично только в общении, в единстве человека с человеком, в единстве, опирающемся лишь на реальность различия между Я и Ты»¹. Исторический путь осознания психологического равенства двух «Я» прошел через преодоление противоречий в отношениях «мы – они», «они – я». Отсюда справедлив следующий общеизвестный тезис: «жить в обществе и быть свободным от общества нельзя»; или: «если ты кого-то приручил, то ты за него в ответе».

В истории общественной мысли свобода традиционно рассматривалась в соотношении с необходимостью. Речь идет о доминировании свободы «для чего» над свободой «от чего», хотя они между собой диалектически связаны. При этом до сих пор не ясно, стремятся ли люди всей душой к свободе или они «бегут» от нее².

Для личности обладание свободой – это исторический, социальный, и нравственный императив. Свобода личности выступает критерием не только развития ее индивидуальности, но и уровня развития общества. «Личность, тем значительнее, чем больше в ее индивидуальности проявляется всеобщее»³.

Как отмечал Э. Фромм, многим исследователям человека и современной жизни общества становится все яснее, что решающая трудность, стоящая перед нами, это значительное отставание раз-

¹ *Фейербах Л.* Основные положения философии будущего// Избранные философские произведения. М., 1955. Т. 1. С. 203.

² *Фромм Э.* Бегство от свободы. Человек для себя. М.: Изд-во АСТ, 2004. С. 46.

³ *Рубинштейн С.Л.* Бытие и сознание. М., 1957. С. 8.

вития человеческих эмоций от умственного развития человека. Человеческий мозг живет в двадцатом веке; сердце все еще в каменном. Человек еще недостаточно созрел, чтобы быть независимым, разумным, объективным. Человек не в силах вынести, что он предоставлен собственным силам, что он должен сам придать смысл своей жизни, а не получать его от какой-то высшей силы, поэтому людям нужны идолы и мифы¹.

Следует подчеркнуть, что в странах бывшей социалистической ориентации культура людей формировалась в неразрывной связи с идеологией, носящей антифеодальный, антикапиталистический и антиимпериалистический характер и основанной на принципах коллективизма, осуждающей индивидуализм. За последнее пятнадцатилетие так называемого демократического «реформирования» России все более заметно исчезают лозунги и идеи демократизации, им на смену пришла доктрина либерализма, основанная на уровне базового мифа о личной свободе и индивидуальном счастье.

Особую роль сыграла неолиберальная идея о полном устранении из экономической сферы общества государства, которое до этого имело доминирующее и определяющее значение в истории страны, имеющей социалистический способ хозяйствования.

Неолибералы, находившиеся в исполнительной власти во главе с президентом Б. Ельциным и его администрацией, своими идеями и принципами деятельности придали разрушению экономической структуры общества стихийный, дестабилизирующий характер. В результате вместо ожидаемых реформ, целью которых должен был стать человек, рост его благосостояния и его духовное и нравственное развитие, начался антинациональный передел государственной собственности, который принял криминальный характер. Г.В. Осипов отмечает: «Неолиберализм в экономике – это экономический беспредел, не считающийся с национальными интересами». И далее: «Подмена либерализма неолиберализмом в сочетании с правовым беспределом различных ветвей властных структур стали не только тормозом на пути перехода к либеральной экономике, но и сделали этот переход невозможным»².

¹ Фромм Э. Бегство от свободы ... С. 15.

² Осипов Г.В. Социальное мифотворчество и социальная практика. М.: Норма, 2000. С. 432, 434.

Здесь речь идет об экономической и национальной безопасности, так как именно государство определяет экономические и технологические приоритеты общества, основываясь на национальных интересах, обеспечивая геополитическую целостность и суверенитет, а также жизнеобеспечение народа, оказывая определенное воздействие на социальную ориентированность экономики. Сегодня более 20% населения имеет прожиточный уровень ниже нормы. Хотя прожиточный минимум – это средства, необходимые для физического выживания организма (тела), а человек должен удовлетворять еще и социальные потребности, и кроме того выполнять социальные обязательства (в частности проводить коммунальные платежи и др.), затраты на которые не входят в прожиточный минимум. Что говорить об удовлетворении духовных потребностей для категории граждан, связанных с рекреацией и развитием личности? Для них поход в театр или приобретение книги становится заоблачной мечтой. Население России не просто сокращается, оно деградирует. По словам министра регионального развития В. Яковлева, 60% россиян – старики и дети. В России всего 10 млн работающих женщин и 20 млн работоспособных мужчин. Из этого числа 1 млн – в тюрьме, 5 млн – безработные, 4 млн – хронические алкоголики, 1 млн – наркоманы (NEWS ru.com). Вряд ли у кого повернется язык заявить, что это «объективный процесс» или «результат игры рыночной стихии» (любимое оправдание наших либералов). Но даже если правительство стоит на такой же точке зрения, это не избавляет его от обязанности реагировать или нести ответственность перед обществом за принятие решений и их реализацию.

В период формирования демократических ценностей как говорит Д. Сорос: «Свобода обычно рассматривается как право или система прав – свобода слова, передвижения, вероисповедания, – гарантируемая законом или конституцией»¹. Именно со свободы слова, с так называемой «гласности», начались разрушительные действия в морали, в системе ценностей, порождаемых определенным образом жизни. Здесь нет ничего удивительного, потому что, как говорится в Библии: «В начале было Слово...»²

¹ Сорос Д. Советская система: к открытому обществу. М., 1991. С. 84.

² От Иоанна святое благовествование. Библия. Гл. 1. Прит. 1. Белорусский Дом печати. Минск, 1992. С. 100.

Современные политические технологи, манипулируя общественным сознанием, создают определенные выражения (слоганы) как инструмент воздействия на сознание. В нашу культуру было внедрено такое выражение как «совок». Этот образ примитивного орудия, перенесенный на личностный уровень, ассоциативно унижал человеческое достоинство, формировал внутреннюю установку на то, что быть советским стыдно и непрестижно, таким образом лишая человека его идентичности. Многие люди, особенно молодые, которые находились в стадии социально-психологического становления, делали все, чтобы не казаться «советским», не принадлежать к советской культуре, следовали чужеродным нормам и ценностям, разрушая свою национальную сущность, культуру и себя как ее носителя.

Наполняемость смыслом тех или иных понятий всегда зависит от исторического и культурного контекста. Как показывает С. Кара-Мурза в своей книге «Евроцентризм – эдипов комплекс интеллигенции»¹, открытость, солидарность и любовь всех людей, с которыми связываются в христианстве свобода, равенство и братство – революционными идеологами буржуазного общества трактовались антихристиански. Это подробно исследовано Максом Вебером в его труде «Протестантская этика и дух капитализма»², где он показывает, что признание богоугодности ростовщичества, совершенно необходимого для развития финансового капитала, породило изменения в теологии западного человека, что служило основанием для зарождения разных культурных течений, в том числе мистических (например масонства). Идеологи буржуазного общества противопоставили идею власти просвещенного братства (братьев-масонов), свобода и равенство которых предполагали разрушение всех традиционных авторитетов и должны были демонстрироваться ритуальным убийством монарха.

В начале 1990-х гг., скидывая монумент Ф. Дзержинского как символ оплота существовавшей в Советском Союзе власти, большая часть граждан, возбужденная возможностью публичного выступления на митингах, шествиях, трибунах, предалась «политиче-

¹ Кара-Мурза С. Евроцентризм – эдипов комплекс интеллигенции. М.: Алгоритм, 2002. С. 18-19.

² Там же.

скому карнавалу», создавая симулякры, симулируя события, действия, изображая видимость деятельности при отсутствии сути. Как образно обозначил Гейне подобные события в другой революции, «...опьяненные свободой рады пить на брудершафт с обычными пьяными, чей хмель вызван простым вином»¹.

Другая часть граждан под шум чубайсовской ваучеризации всей страны в это же время начала растаскивать общественную собственность, превращая ее в частную. Проведена была приватизация в первую очередь того богатства, которое составляло национальное достояние (лес, газ, нефть, золото и другие полезные ископаемые и сырьевые ресурсы) и наиболее доходных предприятий по бросовым ценам, вместо наиболее убыточных (последние доселе на шее у государства). За предельно короткое время небольшим количеством людей были сформированы (в том числе и криминальным способом) частные суперкапиталы, а их владельцы приобрели статус олигархов. А дальше их путь следовал согласно известному афоризму, принадлежащему Марку Твену: «Если ты украл кусок хлеба – тебя посадят в тюрьму, а если ты украл железную дорогу – тебя изберут в сенаторы».

Так, под лозунгами демократии к власти пришли олигархи. В свое время Аристотель называл олигархией «извращенное» правление аристократии, когда богатые используют власть не для блага общества, а в своих собственных интересах. В российских условиях после попрания существующей конституции, расстрела парламента и его народных защитников в 1993 г., произошло крушение не только демократических идеалов, но и самой жизни для молчаливого абсолютного большинства. Многие, лишившись работы, средств к существованию, сбережений, решают для себя до сих пор проблему выживания.

Свобода, пропущенная сквозь призму индивидуальной необходимости, достигает уровня действительности. При экономической несостоятельности более трети населения страны (уровень жизни ниже прожиточного минимума) ценность «свободы слова» как-то отодвигается на задний план, а главными становятся право на труд, на здоровье, на образование и др., то есть борьба за жизнь.

¹ Гейне Г. Полн. собр. соч. М., 1936. Т. 6. С. 48.

Властные же структуры продолжают манипулировать демократическими ценностями, и главной из них выступает формирование «гражданского общества». Реальная экономическая несвобода (бедность, нищета, люмпенизация) исключает политическое участие граждан, приводит к деполитизации, политической пассивности и гражданскому конформизму.

В историческом плане самостоятельность индивидов становится все заметнее. Как писал К. Маркс: «Чем дальше назад уходим мы в глубь истории, тем в большей степени индивид, а следовательно и производящий индивид, выступает несамостоятельным, принадлежащим более обширному целому: сначала еще совершенно естественным образом он связан с семьей, развившейся в род; позднее – с возникающей из столкновения и слияния родов общиной в ее различных формах. Лишь в XVIII в. в «гражданском обществе» различные формы общественной связи выступают по отношению к отдельной личности как всего лишь средство для ее частных целей, как внешняя необходимость»¹. И далее эта мысль нашла свое развитие в следующем: «Именно рабство гражданского общества по своей видимости есть величайшая свобода, потому что оно кажется завершенной формой независимости индивидуума»².

Конкретное содержание реальной свободы и ее научного осмысления исторически менялось. В антагонистическом обществе мерой свободы является частная собственность (капитал). Частная собственность сыграла свою историческую роль, послужив в прошлом основой для формирования собственного «Я» от «Мы», через отчуждение «Мое» от «Нашего», создав условия для формирования различных социальных типов личности. Россия, которая уже в своем историческом поступательном движении стремилась к достижению высшей исторической формы свободы, «где свободное развитие каждого есть условие развития всех», и достигла на этом пути зримых успехов в образовании, искусстве, культуры в целом, но не нашла своего исторического завершения в результате так называемых демократических преобразований,

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 46. С. 18.

² Там же. Т. 2. С. 219.

сегодня заметно деградирует, формируя социально-психическое отражение (сознание) адекватное историческим изменениям. Очевиден переход от демократических ценностей к либеральным, который отражается в политических слоганах, один из них: «Деньги – это отчеканенная свобода»¹. Либерализм предусматривает свободу только для тех, у кого есть деньги.

В массовом сознании либерализм воспринимается преимущественно в узком, политическом смысле. Истинным либералом в таком восприятии может считаться только тот, кто преуспел в условиях современного рыночного бытия. К данной категории не относится, например, довольно многочисленная прослойка постсоветской интеллигенции, на которую либеральные политики опираются в ходе избирательных кампаний, а затем вытирают об нее ноги. Как пишет А. Головков: «Костяк либерального сообщества составляет «новорусская» экономическая элита, овладевшая значительной частью бывшей общенародной собственностью. Вокруг этих «героев приватизации» консолидируются разнообразные группы либерализованного чиновничества, политической и интеллектуальной обслуги и тому подобного клиентела. Идею и психологическое единение большой массы социально активных и значимых индивидуумов, скрепляемое наличием солидарных интересов, симпатий и антипатий, превращает либерализм в весьма влиятельную политическую силу при всем нынешнем ничтожестве формальных партий и вождей либерального толка. Специфические особенности коллективного «тела» российского либерализма оказывают значительное влияние на стереотипы поведения политико-экономической и интеллектуальной элиты»².

Либеральный проект переделки России предъявляет всему обществу и каждому человеку ряд требований культурного и мировоззренческого характера, чтобы соответствовать «правильной» модели цивилизации. Как пишет Самир Амин: «Капитализм в его западной модели превратился в высший образец общественной ор-

¹ *Илларионов А.* Деньги – это отчеканенная свобода // Аргументы и факты, 2003. № 6.

² *Головков А.* Ветрянка либерализма. Политический журнал, 2005. 29 авг. № 28(79). С. 72.

ганизации, который может быть воспроизведен в других обществах, ранее не имевших возможности быть в числе зачинателей – при условии, что эти общества освободятся от препятствий, воздвигнутых их культурными особенностями и объясняющих их отсталость»¹. Считается, что отсталость россиян лежит в сфере культуры и национальной психологии. В самых разных вариациях повторяется тезис о неразвитости в русских чувства свободы. На Западе очень широко распространен тезис о том, что в глубине души каждого русского пульсирует ментальность раба. Чувство свободы призвана внедрить новая «культурная революция» под знаменем либерализма. Для указанного соответствия образцу Россия должна изжить ряд «пережитков», демонтировать культурные нормы традиционного общества, укорененные в традициях и обычаях, существующие на ментальном уровне.

Как отмечает С. Кара-Мурза, «потребность в свободе» и «ментальность раба» в рамках западного мировоззрения трактуются как биологические, а не социокультурные параметры. Э. Фромм пишет: «Будучи условием целостного развития человеческого организма, свобода является фундаментальной биологической потребностью человека... Среди всех угроз жизненным интересам человека угроза его свободе имеет чрезвычайное значение как в индивидуальном, так и социальном плане. Вопреки распространенному мнению, что желание свободы есть результат культуры, и конкретнее обучения, имеется достаточно свидетельств того, что желание свободы есть биологическая реакция человеческого организма»². Но считать какие-то отрицательные качества неотъемлемым, биологически обусловленным атрибутом этноса – и называется расизмом. Характер отрицательных качеств, приписываемых каждому русскому позволяет говорить о росте крайнего расизма по отношению к русскому народу.

В то время как сторонники экономической свободы восторгаются результатами реформ и насаждением капитализма, разработчик так называемой либертарно-юридической теории права и

¹ Цит. по: *Кара-Мурза С.* Евроцентризм – эдипов комплекс интеллигенции. М.: Алгоритм, 2002. С. 171-173.

² *Фромм Э.* Анатомия человеческой деструктивности. М. Республика, 1994. С. 181-182.

государства академик РАН В.С. Нерсесянц оценивает их как «отклонения от вектора исторического прогресса», как явления «исторически регрессивные и несостоятельные»¹.

Экономика свободного рынка рабочей силы потребовала полного освобождения человека от традиционных культурных норм и структур, превращения личности в атом человечества. Буржуазному обществу, индустриальной цивилизации был нужен человек-атом, свободно передвигающийся и вступающий в свободные отношения купли-продажи на рынке рабочей силы. Здесь речь идет в первую очередь о свободе «продавать себя», начиная с продажи собственного тела, физической энергии, навыков, знаний, мнений, чувств и других природных и социальных качеств. «Использование человека человеком служит выражением системы ценностей, лежащей в основе капиталистического строя. Капитал это омертвленное прошлое, нанимает труд, жизненную силу и энергию настоящего»².

Современная, неолиберальная концепция российской рыночной экономики предполагает даже необходимость подавления естественных человеческих инстинктов солидарности и сострадания. Этот новый шаг к свободе противоречит не только социальной, но и биологической природе человека, в эволюции которого врожденный групповой инстинкт играл и играет огромную роль. Его искусственное подавление послужило важной причиной тяжелых социально душевных болезней (наркомания, психозы) и периодических разрушительных всплесков возврата к групповой солидарности в виде фашизма и крайнего национализма.

Некоторые американские психоаналитики видят в крайней атомизации людей причину того удивительного факта, что значительная доля молодежи Запада считает привлекательной не только военную службу, но даже войну, где, по словам Э. Фромма, возникает возможность испытывать глубокие душевные порывы (делить пищу с товарищем и рисковать жизнью ради его спасения), которые наше общество в мирное время считает глупостями.

На фоне разрушительных для духовного мира личности социальных катаклизмов важно не только выстоять, но и не утратить

¹ *Нерсесянц В.С.* Цивилизм. Юридическая энциклопедия. М., 2001. С. 1192.

² *Фромм Э.* Здоровое общество ... С. 113.

личных перспектив, не потерять свое «лицо». Либерализм (свобода) порождает разнообразие нравственных ориентаций. Мораль и практика вседозволенности, определяемая гедонизмом, порождает нигилизм, «пофигизм» и другие варианты ценностных ориентаций, порождаемых образом жизни по принципу «здесь и сейчас». Происходит метафизический разрыв триединой структуры времени, определяющей связь прошлого, настоящего и будущего.

Живя только сегодняшним днем, отождествляя время своего бытия с показанием часов, не понимая и не желая видеть историческую перспективу своего развития, личность рискует утратить ценность и значение своей жизни. Без определенной социально-временной направленности жизни теряется перспектива развития личности. А.С. Макаренко, который занимался в первую очередь воспитанием молодых людей с «отклоняющимся поведением», утверждал: «Воспитать человека – значит воспитать у него перспективные пути»¹. В случае ограничения действия индивида задачами настоящего момента без учета перспективы развития происходит обеднение психологической организации личности, так как возможности человека (то есть его потенции) всегда больше чем те, которые требуются для разрешения сиюминутных проблем.

К примеру, масса специалистов высокого уровня, инженеров, работающих раньше в системе ВПК и ныне превратившихся по объективным обстоятельствам в «челноков», лотошников и других субъектов рынка, не только утратили профессионализм, но и жизненную перспективу. Многие из них психологически сломались, опустились, ушли во «внутреннюю эмиграцию». Хотя, может быть, средств к существованию у них стало больше, но они лишились перспективы личностного развития.

А что говорить о миллионах детей, о социальных сиротах с отклоняющимся поведением, которые не посещают школ, не подвергаются институциональной социализации личности, лишенные будущего, формируются по стихийным законам «социальной стаи», где свобода выступает в форме беспредела.

¹ Макаренко А.С. Избранные педагогические сочинения. М., 1957. Т. 1. С. 233.

Давно известно, что право выступает как регулятор социальных отношений очерчивает внешние рамки поведения социальных индивидов, социальных образований и социальных общностей, включает в своей субстанции меру свободы, которой общество в состоянии обеспечить субъектов социальной жизни. Со времен И. Канта развивается идея о праве как мере свободы для неравных людей. В работе «Введение в учение о праве» он пишет: «Право – это совокупность условий, при которых произвол одного (лица) совместим с произволом другого с точки зрения всеобщего закона свободы»¹.

Сама свобода, которой обладают люди в каждую конкретную эпоху, является условием развития и продуктом этого развития. Государственность и право в обществе любого исторического типа нуждаются в идейном обосновании их ценности, носителем которых должна быть не только политически деятельная часть общества, но и другие общественные группы не должны противостоять им. Потому что «самым надежным основанием стабильной демократии является действительная поддержка гражданами основных правил игры. Демократические ценности должны стать всеобщей идеологией, объединяющей большинство граждан, партий, организаций»².

Сегодня, как и сто лет назад, актуальны идеи П.А. Кропоткина: «Мы чувствуем..., что если переворот стал необходимостью в хозяйственных отношениях между людьми и в их политическом строе, то он еще более того необходим ради перестройки наших нравственных понятий. ... Но перестройка не может совершиться и не совершится, покуда в основе наших обществ будет лежать порабощение человека человеком и владычество одних над другими»³.

Рассуждая о морали, праве и политике П.А. Кропоткин говорит о том, «что до тех пор, пока у нас будет оставаться каста людей, живущих в праздности под тем предлогом, что они нужны для управления нами, – эти праздные люди всегда будут источником нравственной заразы в обществе... Со своим туго набитым кошельком и своими грубыми инстинктами он будет развращать женщину и ребенка; он развратит искусство, театр, печать; он продаст свою

¹ Кант И. Соч. Т. 4. Ч. 2. С. 139.

² Западная демократия: основы стабильности. М., 1990. С. 25.

³ Кропоткин П.А. Анархия. Сборник // М.: Айрис-пресс, 2002. С. 541-543.

родину врагу, продаст ее защитников, а в тот день, когда бунтующий народ заставит его дрожать за кошель – единственный источник его наслаждений, – он пошлет наемщиков избивать лучших людей своей родины»¹. Как видим, многие идеи Кропоткина не утратили свой эвристический потенциал и понятие анархии как проявления высшей формы свободы (либерализма) по-русски. По убеждению П.А. Кропоткина, анархия – не хаос, а свобода личности, мысли, творчества. В этом отношении иго капитала также опасно и страшно, как иго однопартийной государственной системы. Если в первом случае используются преимущественно экономические методы, то во втором – политические, юридические, идеологические.

С начала 1990-х гг. в России начался может быть необратимый процесс депопуляции, когда скорость смертности существенно опережает скорость рождаемости. Как утверждает академик Д.С. Львов, это связано не только с медицинскими, но и с социально-психологическими факторами, непосредственно связанными с социально-экономической средой обитания человека, то есть влиянием на здоровье человека проводимых экономических реформ. За годы реформ наша страна пережила тяжелейший социально-экономический и психологический шок. Не случайно в общественной жизни за последние годы стали проступать признаки нарастающего социального надлома – апатии и цинизма, разочарования и неверия народа в любые посулы власти, пассивного отношения населения к происходящим событиям, к политическим играм наверху. Происходит отчуждение народа от власти даже той, которую еще вчера он с энтузиазмом избирал. У народа вырабатывается чудовищная приспособительная реакция к тому, что, казалось бы, невозможно вынести – синдром вживания в катастрофу².

Так что же нас ждет? Социологические опросы показывают, что россияне несмотря на свою терпимость и бесшабашный оптимизм начинают бояться жизни. На первое место среди негативных факторов выходят высокие цены услуг ЖКХ – 46% опрошенных,

¹ Кропоткин П.А. Анархия. Сборник ... С. 544.

² Львов Д.С. Феномен сверхсмертности, не известный науке // Наука – здоровью человека. Материалы совместного Общего собрания Российской академии наук, Российской академии медицинских наук при участии Российской академии сельскохозяйственных наук и Российской академии художеств. 16-18 декабря 2003. М.: Наука, 2005. С. 137-142.

инфляция – 39%, нехватка денег на жизнь – 35%, высокие цены на медицинские услуги – 33%¹.

По данным ВЦИОМа, россияне ждут от президента прежде всего роста благосостояния населения – 42%, развития социальной сферы – 12%, решение жилищного вопроса – 9%. Проведенный параллельный опрос Аналитического центра Ю. Левады показывает, что 63% опрошенных «устали ждать»².

У затронутой проблемы есть и другое измерение, о котором мы говорили выше. По утверждению медиков, состояние здоровья народа отражает уровень наших доходов. Катастрофическое падение уровня жизни оборачивается ростом заболеваемости и смертности. Ученые даже определили временной интервал между причиной и следствием – 4 года³. Дефолт 1998 г. отозвался пиком смертности в 2002 г. Нетрудно подсчитать, когда проявятся следующие пики смертности населения, заложенные монетизацией льгот, ростом тарифов ЖКХ, необузданной инфляцией.

Известный государственный и хозяйственный деятель московский мэр Ю. Лужков пишет: «Российское правительство до сих пор мыслит категориями середины XIX в., когда активное противостояние между собственниками и рабочими составляло основу общественного развития. Отсюда проистекает жесткая социальная политика, направленная на поляризацию общества, а также преследование государством бизнес-целей, вместо стратегических задач развития общества». И далее: «Пренебрежение решением социальных проблем может привести к социальной напряженности, революциям разного рода»⁴.

Заключая изложенное, хочется вспомнить русскую пословицу, отражающую российскую ментальность: «русский медленно запрягает, да быстро ездит».

¹ Московский комсомолец, 2004. 29 июня.

² Там же. 2005. 12 мая.

³ Известия, 2005. 25 февр.

⁴ Лужков Ю. Развитие капитализма в России. М., 2005. С. 76.